

ОСНОВНЫЕ ВИРДОВЫЕ БРАТСТВА У ИНГУШЕЙ

АЛБОГАЧИЕВА

Макка Султан-Гиреевна

канд. ист. наук; и.о. заведующего
отделом этнографии народов Кавказа,
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 3).
E-mail: albmac@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тарикаты и вирды, практикуемые современными ингушами. Дается общая характеристика всех религиозных братств Ингушетии, отмечаются особенности религиозных практик кадирийского и накшбандийского тарикатов. Автор показывает специфику ритуальных действий в обоих тарикатах в исполнении зикра, описывает ареал распространения тарикатов Кадирийя и Накшбандийя в Ингушетии и в других регионах Российской Федерации в местах компактного проживания их адептов, а также за пределами страны. Отдельное внимание уделяется особенностям суфийских практик в мире и в Северо-Кавказском регионе.

Ключевые слова: религия, ислам, Сунна, суфий, ингуши, тарикат, вирд, адепты, зикр, овлия, зеарат, Абдул-Кадир аль-Джилани, Бахааддин Мухаммед Накшбанди, Кунта-хаджи, Дени Арсанов.

Ингуши (самоназвание *гIал-гIай*) проживают на Северном Кавказе. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Российской Федерации насчитывается 444 тысячи ингушей, большая часть из которых расселена в Ингушетии — 385,5 тыс. чел., а также в Северной Осетии — 28,3 тыс. чел. За пределами Российской Федерации с середины XIX в. ингуши диаспорно живут в Турции и на Ближнем Востоке (около 350 тыс. чел.) и с первой половины XX в. — в странах Европы (более 200 тыс. чел.). Общая численность ингушей во всем мире составляет около 1 млн чел¹.

Абсолютное большинство ингушей считают себя людьми верующими. В догматике они придерживаются школы имама Абу-Альхасана Аль-Ашари², а в праве — школы имама Аш-Шафи-ий³. Ингуши — мусульмане-сунниты, руководствуются Сунной — сводом правил и устоев, основанных на примере жизни пророка Мухаммеда, его поступках, высказываниях в том

¹ Долгиева М.Б. Современное расселение ингушей // Вопросы истории. Магас, 2013. Вып. 10. С. 86–87.

² Ашари, аль-Ашари, Абуль-Хасан Али (873–941), арабский богослов, основоположник калама — суннитского схоластического богословия в исламе.

³ Мухаммед ибн-Идрис Аш-Шафии (767–820), богослов, основоположник шафиитского мазхаба; сформулировал понятие источников права, разграничил их между собой и установил их иерархию.

виде, в каком они переданы сподвижниками пророка и были зафиксированы в виде хадисов у суннитов и хабаров — у шиитов. Сунна почитается всеми течениями ислама как следующий после Корана источник сведений о том, какое поведение или мнение угодно Аллаху. Сунна объясняет Коран и дополняет его¹. Традиционные последователи ислама считают следование Сунне главным содержанием жизни каждого истинного мусульманина. К суннитам относятся 85% мусульман мира, остальные 15% исповедуют ислам шиитского направления. В России к шиитам относятся только азербайджанцы, таты и часть лезгин².

Ингуши являются приверженцами самого либерального направления ислама — суннизма суфийского толка. Суфиты стремятся обрести божественную любовь и божественное знание посредством личного мистического опыта. Основным суфийским духовным упражнением является зикр — повторение имени Бога или некоторых фраз из Корана. Верующие ингуши принадлежат к двум суфийским орденам, или *тарикатам*³, — Накшбандийя и Кадирийя, которые, в свою очередь, подразделяются на братства — *вирды*⁴, члены которых дают обет придерживаться пути, предложенного шейхом. Они различаются особенностями совершения обряда зикр⁵ и некоторыми ритуалами, разработанными основателями их религиозного направления. Кадирийцы практикуют громкий зикр — *джахр*, который исполняется в форме движения по кругу в такт ритмичной музыке и сопровождается особыми восклицаниями. Накшбандийцы исполняют тихий зикр — *хафи*⁶. Странники громкого и тихого радения ссылаются на Коран, где сказано: «...не произноси громко своей молитвы, но и не шепчи её, а следуй по пути между этим» (сура 17, аят 110). На этом основании представители обоих тарикатов убеждены, что обе формы зикра не противоречат Священному Писанию.

Самым многочисленным по числу последователей является тарикат Кадирийя. Появление этого суфийского братства связывают с именем известного теолога Абдул-Кадир аль-Джилани (Гиляни) (1077–1166). Он был родом из области Гилана, которая находится на южном побережье Каспийского моря. Считается, что его родословная восходит к халифу Али ибн Абу Талибу. Он получил образование в Багдаде у Абу аль-Хайра Хаммада ад-Даббаса, был знатоком мусульманского права (фикх), Корана, хадисов и их толкований (тафсир). Затем он оставил обучение и 25 лет вёл аскетическую жизнь, странствуя по пустыням Ирака. Только в 521/1127 г., когда ему было уже за 50, он неожиданно прославился в Багдаде как популярный проповедник. С того времени слава его ста-

¹ Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 214.

² Павлова О. С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: ИГ «Сам Полиграфист», 2013. С. 259.

³ Тарикат — метод духовного возвышения и мистического познания Истины. Слово «тарика» в значении «путь» употребляется в Коране.

⁴ Вирд — религиозная община (братство, орден).

⁵ Зикр — исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Аллаха.

⁶ Ислам: Энциклопедический словарь... С. 188.

ла быстро расти, но известен он стал как ханбалитский, а не суфийский проповедник. Он и одевался, как алим, а не как суфий. Для Абдул-Кадира в 528/1133–34 г. специально было построено медресе с примыкавшим рибатом, который служил резиденцией для него самого, его многочисленной семьи и учеников. Однако нет свидетельств о том, что он хотя бы заявлял о создании собственного пути мистического познания или был чьим-либо наставником, или посвятил кого-либо. Аль-Джилани был автором около 50 книг, наиболее известными из которых являются «Аль-Кунья», «Аль-Фатх ар-Раббани» и «Футух аль-Кайб». Кадирийский тарикат окончательно оформился на территории нынешнего Ирака в XII в. уже после его смерти. Он объединяет 12 родственных между собой суфийских братств и является одним из самых распространённых в мусульманском мире¹. На Кавказе суфийское учение утвердилось в начале 60-х гг. XIX в. в Чечне, Ингушетии и частично в Дагестане и Осетии. Его стали называть *зикризмом*².

Основателем «секты зикристов» был Кунта-хаджи Кишиев (1800–1867)³, житель села Элисхан-Юрт, выходец из бедной чеченской семьи. Предание гласит, что в детстве Кунта любил уединение, был задумчивым и сообразительным. Он выучился арабской грамматике, умел читать Коран, был очень религиозен. В возрасте 18–19 лет вместе с отцом он совершил хадж в Мекку. После возвращения из хаджа Кунта-хаджи начал религиозно-проповедническую деятельность⁴. «Проповеди Кунта-хаджи о мире, братстве, поддержке обездоленных, сирот соответствовали общему настроению, душевному состоянию народа. Главными в его проповедях были идеи непротivления злу насилием, отказа от военных действий против царизма, значительно превосходившего горцев по своей военной мощи, а также призывы к смирению. Кунта-хаджи прекрасно понимал, что непримиримое сопротивление может привести народ к полному уничтожению. Он призывал горцев к прекращению кровопролития и переходу к мирному укладу жизни. Идеология зикризма противоречила идеологии газавата, требующего продолжения борьбы с противником до победного конца. Кунта-хаджи говорил: «...мне завещаны Аллахом только чётки, я не буду брать в руки ни кинжал, ни ружьё». Шамиль преследовал Кунта-хаджи за его антигазаватские идеи и запретил ему вести проповедническую деятельность⁵.

Вместе с тем народные предания приписывают взаимоотношения Шамиля и Кунта-хаджи иной характер. Согласно им, Шамиль, узнав о проповедях Кунта-хаджи, потребовал от него явиться в Ведено для публичного диспута со знаменитыми богословами, где устаз ответил на все поставленные пред ним вопросы и развеял сомнения Шамиля.

¹ Ислам: Энциклопедический словарь... С. 126.

² Ковалевский П. И. Народы Кавказа. СПб., 1914. Т. 1. С. 150.

³ Мальсагов. М. С., Пошев А.-Х. Древо жизни. Нальчик: ИЦ «Эльфа», 1999. С. 40.

⁴ Ляушева С, Яхиев С.-У. Шейх Кунта-хаджи и его школа // НГ-Религии. 29.05.97. С. 4.

⁵ Вертепов Г. А. Сектантство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 2. С. 78–79.

Убедившись в том, что Кунта-хаджи — подлинный шейх, Шамиль якобы предложил ему совершить еще один хадж в Мекку¹, чтобы тот «познакомился с дервишами орденов Кадырия»².

Некоторые исследователи склонны считать, что знакомство Кунта-хаджи с новым тарикатом произошло задолго до совершения им хаджа и было связано с чтением исламской литературы. Другие считают, что знакомство с этим учением началось в период первого хаджа (1818–1819 гг.), а более глубокое его усвоение — во время паломничества к святым местам в 1859–1861 гг. Точных сведений об этом нет. Так, помощник начальника Аргунского округа Терской области А. П. Ипполитов писал о периоде жизни Кунта-хаджи после второго хаджа, что число его последователей резко возросло: в «...назрановских аулах у зикристов были свои собственные старшины, с избранными мюридами. <...> В скором времени Чечня, Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным учением, как крепкою сетью»³. Шейх являлся духовным и светским руководителем религиозной общины, хотя имамом себя не называл и отказывался от этого звания⁴.

Будучи человеком глубоко верующим и аскетичным, Кунта-хаджи являлся примером для подражания. Возможно, в этом и заключался секрет окончательного принятия большей частью ингушей ислама именно от него. Зная национальный менталитет, можно догадываться, почему ингуши противились насильственному обращению их в ислам Шамилем. А шейх Кунта-хаджи, придя в Ингушетию и имея лишь посох в руках, сумел обратить народ в веру. Его учение было близко ингушам ввиду отсутствия явных противоречий с местными адатами.

В народе существует предание, что Кунта-хаджи, когда пришёл в Ингушетию и дошёл до селения Насыр-Корт, спросил у мальчика, есть ли в его селении гостеприимная семья. Мальчик указал на дом Чура Муцольгова. Шейх отправился туда, а хозяин для достойной встречи гостя зарезал барана, жена же его стала готовить галушки. Тогда шейх пожелал, чтобы галушки готовила женщина, совершающая намаз. Такой женщины в Насыр-Корте не оказалось. Узнав, что в Барсуках есть женщина, совершающая намаз, её пригласили приготовить галушки⁵. На основании этого предания можно заключить, что в то время в ингушской среде ислам еще окончательно не утвердился. Кунта-хаджи трижды посещал ингушей, и в последний свой приезд в одном из домов селения Барсуки совершил посвящение всех желающих в мюриды. Посвящение было простым: Кунта-хаджи или его поверенный (викал) брали вступающего

¹ Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997. С. 305.

² Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. С. 13.

³ Ипполитов А. П. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 28.

⁴ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М.: Восточная литература, 1998. Вып. 1. С. 61.

⁵ Албогачева М. С.-Г. Материалы полевой экспедиции. Республика Ингушетия, 2004–2005 гг. // АМАЭ Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1769. Л. 3.

в братство за руку и спрашивали, обязуется ли он, признавая в душе святость избранного наставника устаза, после каждого намаза стократно произносить формулу: «Ла илаха илла Алааху» (Нет божества, кроме Аллаха) и участвовать в ритуале кругового зикра.

Зикр кадиристов — это громкое радение, славословие Аллаху, сопровождающееся коллективными движениями, приводящими людей в состояние религиозного экстаза. Мюриды для совершения зикра встают вплотную друг к другу, образуя круг. Считается, что пространство внутри круга становится святым местом, куда спускается Божественная милость. По знаку руководителя обряда один из мюридов звонким голосом протяжно и медленно произносит: «Ла-иллаха илл-Аллах», все повторяют за ним и, раскачиваясь на месте в такт пения, хлопают в ладоши. Затем начинается медленное движение по кругу, сопровождающееся ритмичным хлопанием в ладоши. Движение по кругу постепенно ускоряется, при этом постоянно и ритмично повторяется словосочетание «уллох-уллолох» (Аллах един). Иногда, участники зикра совершенно отрешаются от всего земного, впадая в религиозный транс. Завершается зикр молитвой — обращением к Аллаху, в котором все просят Его о даровании шейху Кунта-Хаджи права спасения и заступничества в день Страшного суда, о прощении грехов родным и близким¹.

В числе тех ингушей, кто принял благословение Кунта-хаджи, были: Батыл-хаджи Белхароев из Сурхахи, Хусейн-хаджи из Плиево, Тоаркхо-хаджи из Сагопши, Илез-Къада Озиев из Гамурзиево, Тешал-хаджи Ужахов из Барсуков, Гайрбек-хаджи Евлоев из Насыр-Корта и Бусулб Арапх из Гейрбик-Юрта и др.². Последователями учения Кунта-хаджи стали не только бедные и обездоленные, как считают некоторые авторы, но и состоятельные и уважаемые люди ингушского общества. Выбрав исламский путь, многие из них совершили пешком хадж в Мекку, сопряжённый со многими трудностями и опасностями — некоторые даже погибали в пути. В числе тех, кто совершил паломничество, было много влиятельных людей того времени: Исмаил Албогачиев, Альти Арсмаков, Идик Арцханов, Астемир Гадаборшев, Эсолт Гадаборшев, Дамыл Дзорттов, Атаби Зязиков, Гущи Зязиков, Саадул Зязиков, Дошлако Котиков, Атаби Патиев, Дударк Харсиев, Жим Харсиев, Бачо Халухоев, Мурцал Шоухалов, Гущи Яндиев и др.³. После совершения паломничества они стали хаджами, люди обращались к ним для решения сложных вопросов, к их мнению прислушивались, хотя они не были шейхами.

Число последователей нового учения постоянно и значительно увеличивалось. Демократичность учения Кунта-хаджи проявилась и в том, что ряды мюридов пополняли также и женщины. Им было позволено принимать участие в религиозной деятельности, выражавшейся в публичном чтении аятов, различных молитв и в совершении зикра. По всей

¹ Ляушева С., Яхиев С.-У. Шейх Кунта-хаджи... С. 4.

² Албогачиева М. С.-Г. Материалы полевой экспедиции... Л. 20–21.

³ Там же. Л. 3–4.

Ингушетии и Чечне появилась разветвленная подпольная (по причине негативного отношения властей) религиозно-политическая организация, во главе с *тамадой* — старшиной мюридов и его помощниками-исполнителями *турками*, которые передавали эти распоряжения мюридам¹. Обеспокоенные набиравшей силу религиозной организацией власти начали преследовать зикристов. Чтобы вывести своих последователей из-под удара, Кунта-хаджи позволил себя арестовать. По официальным источникам, арест был произведён 3 января 1864 г. в селении Сержен-Юрт. Узнав, что в Шалах находится арестованный Кунта-хаджи, «три тысячи фанатиков (в том числе даже несколько женщин) без выстрела, с кинжалами и шашками шли, как испуганные, на отряд из шести батальонов, который ожидал их»². По разным источникам, число погибших составило от 100 до 400 человек, среди них были и женщины.

Трагическая развязка события повергла народные массы в депрессию, за которой последовало переселение в Турцию. Шейх был сослан «без срока» в Новгородскую губернию, в с. Устюжно. Материалов, связанных с периодом пребывания шейха в ссылке, очень мало, однако имеется описание встречи с ним историка И. Попова. «Беседуя с ним, я был поражён его тактом держать себя, его умением держать беседу, улыбкою, жестами, его величественной осанкой. Одним словом, человек этот был создан из массы симпатий и благородства»³. В каждом человеке общение с шейхом оставляло неизгладимый след. В своей жизни он следовал высоким духовно-этическим нормам, благодаря чему достиг такого колоссального результата в своей проповеднической деятельности.

Последователи Кунта-Хаджи считают, что он лишь скрылся и явится вновь накануне Судного дня. В суфизме развито представление о существовании Божьих посланников (*овлияџ*), по аналогии с учением о пророках. Согласно этому учению, посланник Божий — это пророк, несущий людям новый закон или сообщающий волю Бога относительно изменений в прежнем законе. Общее число святых, которые сокрыты от большинства смертных, по одной версии, равно 356, по другой — 500⁴. Бытует убеждение, что Кунта-хаджи — один из 356 святых, на которых держится вселенная⁵. Об этом в народе сложено множество религиозных гимнов (*назым*). Содержание гимнов различается в зависимости от того, к какому братству относятся мюриды. Приведём перевод текста зикра, сделанный М. М. Мустафиновым, в котором на шейха Кунта-хаджи возлагается функция спасителя.

В минуту прощания с иллюзией мира,
Когда к нам стучит обновитель могил

¹ Авксентьев А. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1984. С. 130.

² Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства... С. 325.

³ Акаев В. Х. Шейх Кунта-хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 66

⁴ Абдуллаева Ф. И. Персидская кораническая экзегетика. СПб., 2000. С. 148.

⁵ Албогачиева М. С.-Г. Материалы полевой экспедиции... Л. 22.

И бренное тело душа покидает,
Возьми на поруки, Мубарик-хаджи¹.
Когда без желанья сойду я в могилу
Один, без друзей, что оставят меня,
И грозные судьи начнут свой допрос,
В грехах не раскаявшись, я испугаюсь
И в робких ответах своих растеряюсь,
Приди мне на помощь, Мубарик-хаджи,
И за меня ты ответ им держи!²

В начале XX в. в Ингушетии жили известные исполнители религиозных гимнов — жители селения Гадаборш-Юрт (ныне с. Куртат, Пригородный район, РСО — Алания) из рода Гадаборшевых: Аслангири Хуниевич, Саварбек Эльмурзиевич, Джабраил Абдулаевич, Яхья Орцхоевич. Их приглашали на похороны и поминки. Во время исполнения гимнов народ начинал безудержно плакать. В репертуаре этих исполнителей было более двух десятков песнопений в честь шейха Кунта-хаджи. В настоящее время также есть известные исполнители гимнов: Магомед Шовхалович Харсиев, Магомед Дениевич Евлоев, Якуб Баширович Боголов и др.³

При жизни Кунта-хаджи основные положения его учения не были опубликованы, но в 1910 г. их издали в Темирхан-Шуре. Приведём некоторые из них:

«Хотите любить Всевышнего Аллаха — любите справедливость. Желайте своему брату того же, чего желаете себе. Не старайтесь быть богаче, выше, сильнее других. Делитесь с бедными всем, чем одарит вас Всевышний. Остерегайтесь, что кто-то вам будет завидовать в богатстве. Пусть вам завидуют в учёности, справедливости и щедрости. Молитесь Аллаху, чтобы к вам не пристало ничего добытое чужим трудом, чужим потом. Такое — непреодолимая преграда на пути к тарикату».

«Не отвечайте злом на зло, ибо это порождает ещё большее зло. Любое зло противно Всевышнему Аллаху. Карать злодеев, миловать добродетелей — воля Всевышнего. Вы победите злодеев и насильников отторжением их от себя, совершенствуя свои души и свой тарикат. Чем яснее, крепче и справедливее ваш путь, тем труднее станет злодеям и насильникам. Они не смогут выдержать силы вашей правды, чувствуя, что Всевышний на вашей стороне. Они не выдержат противостояния Всевышнему и вашему тарикату. Время работает на вас, ибо оно работает на справедливость».

«Не носите с собой оружия. Держитесь подальше от него. Оружие напоминает вам о насилии и уводит в сторону от тариката. Сила оружия —

¹ Мубарик — по-арабски «благословенный».

² Мустафинов М. М. Зикризм и его... С. 33.

³ Албогачиева М. С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения: сборник статей / под ред. С. А. Штыркова. СПб.: Наука, 2007. С. 78.

ничто по сравнению с силой души человека, верно идущего по тарикату. Всякое оружие — признак неуверенности в том, что Всевышний Аллах придёт на помощь в нужный час. Кроме того, Иблис [дьявол] постоянно толкает вашу руку к рукоятке кинжала или ружья. Вы становитесь жертвой Иблиса».

«Не спорьте с властью, не старайтесь заменять её собой. Всякая власть от Всевышнего. Аллаху виднее, какую власть, где и с какой целью устанавливать. У власти перед Всевышним отдельный отчёт. Не соблазняйте кажущейся престижностью власти. Наш тарикат несравнимо выше, ибо земная власть призвана решать, главным образом, земные дела. Земными соблазнами ещё никто не насытился. Земная жизнь, как солёная вода: чем больше пьёшь её, тем жажда усиливается. Успокойте свои души в тарикате. Спокойная душа, устремлённая к Всевышнему, — это вечная радость и счастье».

Местам пребывания шейха в Ингушетии по сей день поклоняются как святыням¹.

Зерата (места погребения) Кунта-хаджи не существует, но его последователи совершают паломничество в Эртени, к месту захоронения его матери Хеды (село Первомайское Веденского района Чечни).

После ареста Кунта-хаджи возникли новые братства (вирды). Их возглавили его последователи — Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батыл-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Висхаджи Загиев. Известно, что у Кунта-хаджи были преемники и в Дагестане — Умар ал-Анди, Ибрахим ал-Баханди, Мухаммад ал-Лайли, Газиява ал-Хунзахи, Мухаммад ал-Хучади². Новые братства в своё время существовали как замкнутые группы, скрытно от власти проповедовавшие своё учение, выполнявшие религиозные обряды, имевшие отличительные особенности в ритуальной практике зикра³.

В настоящее время право принимать человека в братство принадлежит имамам мечетей и другим духовным лицам, так как нет живых учителей. Как показывают наши полевые материалы, желающий принять вирд Кунта-хаджи может сделать это самостоятельно, произнеся следующую формулу: «Я прошу заступничества Кунта-хаджи и намереваюсь читать вирд Кунта-хаджи», а затем произнести: «Ла илаха илла-Аллах» (Нет божества, кроме Аллаха). Число адептов суфийских шейхов на Кавказе ещё очень велико, и роль зикра в исламских традициях остается непоколебимой для большей части местного социума. Для кадирийских братств важно чёткое и регулярное выполнение завещанного шейхом его вирда-задания. Поскольку такое задание выполняется коллективно,

¹ Мальсагов М. С., Пошев А.-Х. Древо жизни... С. 45–46.

² Шихалиев Ш. Ш. Краткий обзор арабографических сочинений Кунта-хаджи Кишиева // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. СПб.; Магас, 2011. С. 73.

³ Албогачиева М. С.-Г. Адепты Кунта-хаджи Кишиева: Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чиммирза Таумерзаев, Вис-хаджи Загиев, Мани-шейх Назиров // Ислам в России и за её пределами: история и культура общества. Сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. СПб.; Магас, 2011. С. 28–36.

то и община мюридов, объединённая общей практикой выполнения задания-вирда, носит здесь наименование вирда с прибавлением к этому слову имени своего учителя. Так, существует вирд Кунта-хаджи, вирд Батал-хаджи, вирд Хусейн-хаджи, Умар-хаджи и т.д.¹. Кадирийский тариакат по числу последователей в Ингушетии и Чечне является на сегодняшний день самым многочисленным и влиятельным².

Ареал распространения кадирийского тариаката

География распространения учения кадирийского тариаката на Кавказе такова: наибольшее число последователей проживает в Чечне и Ингушетии, незначительное число (около 2 000 мюридов шейха Кунта-хаджи Кишиева и Вис-хаджи Загиева) — в Хасавюртском и Наволакском, Кизилюртовском, Ботлихском, Гумбетовском, Казбекском районах, в г. Хасавюрте (Дагестан), Ахметском районе Грузии, Пригородном районе Осетии³. Приверженцы шейха Кунта-хаджи представлены, кроме того, в Северной Осетии, в приграничном с Ингушетией регионе. Есть небольшие суфийские братства в Карачаево-Черкесии.

По рассказам стариков — жителей Кабардино-Балкарии, вирд кунта-хаджинцев существовал в Кабарде и Балкарии. Однако он не смог там закрепиться и при советском режиме, в период воинствующего атеизма со временем сошёл на нет⁴.

В настоящее время ареал кунта-хаджинского вирда вышел далеко за пределы Северного Кавказа. Он представлен в Центральной (Казахстан) и в Средней (Узбекистан и Киргизия) Азии, где последователями данного вирда не всегда выступают только чеченцы и ингуши. На сегодняшний день учение шейха Кунта-хаджи стало многонациональным: к кавказцам присоединились казахи, узбеки и киргизы⁵. В Москве ритуал громкого зикра кунта-хаджинцев исполняется в Исторической мечети (на зикре присутствуют до 80–100 мюридов), а в Санкт-Петербурге — в молельном доме религиозной организации мусульман Санкт-Петербурга «Зикр»⁶. Эта практика характерна и для адептов Саратова, Астрахани, Нижневартовска, Новосибирска и др., где они открывают мечети и ведут проповеди на основе традиционного ислама и совершают коллективные зикры. Иммигранты третьей волны, устремившиеся в Европу в конце XX в., начали и там создавать мюридские общины. В Бельгии приверженцы учения Кунта-хаджи уже на постоян-

¹ *Вачагаев М.* Вирдовая структура Чечни и Ингушетии // Прометей. 2009. № 2. Доступ: <http://chechen.org/archives/category/prometheuse> (проверено 29.08.2014).

² *Албогачиева М.С.-Г.* Ислам // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов. М.: Наука, 2013. С. 329.

³ *Мустафинов М.М.* Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. С. 17.

⁴ *Павлова О.С.* Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: Издательская группа «Сам Полиграфист», 2013. С. 265.

⁵ *Вачагаев М.* Вирдовая структура Чечни и Ингушетии...

⁶ *Павлова О.С.* Указ. соч. С. 315.

ной основе практикуют громкий зикр. Такая практика распространена и во Франции, и в Австрии, но в меньшей степени¹.

Вторым по числу последователей в Ингушетии является тарикат Накшбандийя. Своё название он получил от имени основателя Бахааддина Мухаммеда Накшбенди (1318–1389) — крупнейшего представителя среднеазиатского суфизма своего времени. Данный тарикат широко распространён в мусульманском мире. «Накшбандийя отрицает аскетизм, необходимость коллективных ритуалов и громкого зикра, особое внимание уделяется общению ученика с духовным учителем»². Первое знакомство горцев Кавказа, в т. ч. ингушей, с исламом происходило в форме именно этого тариката.

В настоящее время многие ингуши связывают накшбандийский тарикат с именем шейха Дени Арсанова (1851–1917) — уроженца селения Зебир-Юрт, выходца из состоятельной чеченской семьи (его отец служил в милиции). Дед Дени являлся другом князя Ф. А. Бековича-Черкасского, так что сын князя был вскормлен матерью Дени. С раннего детства мальчик отличался даром прорицания, к его словам прислушивались, с ними считались, а когда Дени достиг юношеского возраста, народ признал в нём шейха. Как отмечает В. Х. Акаев, имя Дени Арсанова мюриды не произносят, «называя таинственным именем Деде [ингуши называют Дяда], что в суфийской иерархии означает глава ордена, достигший высшей ступени посвящения»³. Шейх Дени Арсанов и Докку-шейх (Абдул-Азиз Шаптукаев) получили право на распространение тариката Накшбандийя от Элаха-муллы⁴. «Элах-мулла принадлежал к аксайской ветке накшбандия, которая восходит к аварскому шейху Абдурахману ас-Сугури из Согратля, получившего иснаду [разрешение] на распространение тариката накшбандия от самого Джамал-Эддина Казикумухского, учителя и тестя Шамиля»⁵.

Дени Арсанов был очень авторитетным, сильным, мужественным человеком, отличался гостеприимностью и щедростью, двери его дома всегда были открыты для бедных, он раздавал милостыню. Рассказывают, что он сам строил мосты и дороги. В поисках доброго совета, защиты и примирения кровников со всех уголков Чечни и Ингушетии к нему стекался народ. Не было случая, чтобы он не смог примирить враждовавшие между собой семьи. Обращались к нему в аналогичных случаях и казаки. Есть свидетельства, что Дени Арсанов распространял своё учение даже на Осетию, где по сей день можно встретить его последователей⁶. В 1877 г. Дени участвовал в восстании Алибека-хаджи Зандакского, а когда началась Русско-японская война, он якобы предсказал

¹ Ахмадов Я. Кунта-хъажи вирд // Шейх, устаз, овлия Кунта-хаджи Кишиев / сост. Р-Х.Ш. Албогачиев Нальчик: Тетраграф, 2013. С. 657.

² Ислам: Энциклопедический словарь... С. 186.

³ Акаев В. Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.

⁴ Элах-мулла — первый проповедник учения тариката Накшбандийя в Чечне.

⁵ Акаев В. Х. Ислам: социокультурная реальность...

⁶ Саламов Х. Ровзат. Нальчик, 2004. С. 59–63.

скорую революцию, которая должна была охватить все страны и привести к свержению царя. В апреле 1917 г. Дени Арсанов принимал участие в съезде чеченского народа, где его избрали окружным комиссаром. Позднее он был делегатом съезда народов Северного Кавказа и при обсуждении будущего политического устройства края предлагал путь шариата. В декабре 1917 г. Д. Арсанов с миротворческой целью встречался с казаками, но в результате провокации произошла стычка, в ходе которой Дени и 30 его мюридов погибли. Их тела были преданы земле лишь два месяца спустя, т. к. казаки не выдавали трупы.

Зерат Дени Арсанова находится на кладбище в Урус-Мартане, над его могилой возведён мавзолей. После гибели шейха духовенство, влиятельные и уважаемые старики Чечни и Ингушетии объявили, что место отца должен занять его сын Бахъаутдин¹. Бахъаутдин Арсанов был красным партизаном, и многие его мюриды являлись сторонниками советской власти, активно участвуя в борьбе против белогвардейцев. В период Великой Отечественной войны Арсанов Бахъаутдин уже был влиятельным шейхом. Он проводил патриотическую работу среди своих последователей, призывая их к вооруженной защите Отечества. За заслуги перед советской властью шейх Бахъаутдин имел правительственные награды. А в 1944 г. он был выслан со своим народом в Казахстан, где поддерживал морально своих последователей. После реабилитации он вернулся на родину, где умер в начале 60-х гг. и похоронен рядом с отцом. Зерат Дени и могила Бахъаутдина — места паломничества последователей Дени Арсанова в Чечне и Ингушетии.

Пример Арсановых демонстрирует передачу религиозной власти по наследству.

В настоящее время все последователи тариката Накшбандий в Чечне и Ингушетии связывают это религиозное направление с именами шейхов (устазов) Ташу-хаджи Саясанского, Элаха-моллы, Дяда, Докку-шейха, Бахъа, Усман-хаджи, Канна, Хож-Ахьмада, Апти, Абдул-Вагап-хаджи, Исхъакъ-хаджи, Солса-хаджи Яндарова и др. Большая раздробленность на вирды, чьи ритуальные практики имеют некоторые различия, порой приводит к противопоставлению их друг другу. Функционируют братства на основе собственных уставов и в соответствии с собственными организационными структурами.

География распространения учения Дени Арсанова такова: наибольшее число последователей находятся в Чечне и в Ингушетии, и незначительное число его приверженцев проживают в Пригородном районе Осетии.

Для современных ингушей принадлежность к тому или иному братству (вирду) является важнейшим элементом не только религиозной, но и гражданской идентичности. При этом вирдовая структура не совпадает с тейповой (родовой) структурой общества. Члены одного тейпа и даже одной семьи по собственному выбору могут быть последова-

¹ Саламов Х. Ровзат. Нальчик, 2004. С. 30.

телями того или иного тариката и определённого вирда. На этой почве в семьях иногда возникают некоторые разногласия, но они не столь существенны и не приводят к серьёзным последствиям.

Основатели местных религиозных братств — суфийские шейхи, для которых характерны такие основные черты, как мистицизм и аскетизм. Суфий должен обладать терпением, усердием, непоколебимостью, богобоязненностью, благоговением и покорностью, искренностью, правдивостью, стыдливостью, непорочностью, состраданием, неприхотливостью, альтруизмом, щедростью и великодушием, добронравием, благим мнением, благодарить Господа и стремиться к духовному очищению и самосовершенствованию. Суфий должен быть лишён мирских страстей, зависти, лицемерия, страстной любви, ревности. Всё это может погубить суфия, увести его от Бога¹.

Нужно отметить, что идеи суфизма получили широкое распространение по всему мусульманскому миру. И большую роль в этом, а также в выживании суфизма на протяжении многих столетий сыграло то, что он впитывал в себя местные традиционные народные культы и верования и трансформировал их на мусульманский манер. Именно в связи с этим многие исламоведы склоняются к мысли о том, что суфизм — это не только религиозная философия, но и народная форма ислама, имеющая свои особенности в различных регионах². «Даже поверхностное знакомство с практикой психологических опытов северокавказского суфизма показывает, что он вообрал в себя и адаптировал эффективные методы индивидуального и коллективного внушения, определяющие внутреннее содержание тайных знаний всех суфийских братств»³. Идея возможности достичь интуитивного общения с Богом посредством психологического опыта вылилась в разработанную систему духовно-психических состояний (хал) и стоянок (макам), которых обязан достигать суфий, совершенствуясь духовно⁴.

«В психотехнике тарикатов региона можно выделить ряд весьма важных компонентов. Первый — подготовка мюрида-неофита, добровольно принявшего решение изменить свою жизнь. Второй — процесс общения мюршида — шейха и учеников — формирование у послушника образа святого наставника. Третий — поддержание и усиление общности братства с помощью коллективных обрядов: двигательной экспрессии, дыхательных упражнений, мелодекламации»⁵.

А. Муртазалиев считает, что в местной суфийской практике кадиристов произошло соединение трёх структурных элементов — саламиий

¹ Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII века) / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2003. С. 657.

² Тагиров Р. Г. Суфизм в Поволжье: особенности функционирования. Доступ: http://www.e-riu.ru/knldg/prepod_publ (проверено 02.02.2015).

³ Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе: философия протеста // Центральная Азия и Кавказ, 2003. № 5. С. 34.

⁴ Акаев В. Х. Суфийская культура на Северном Кавказе. Грозный, 2011. С. 26.

⁵ Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе... С. 34.

(пацифизма), динамического зикра (ритуальных мистерий) и джигитовки (низама). Если египетские и турецкие кадиристы кружатся на месте, а индийские — поют и танцуют под аккомпанемент музыкальных инструментов, то кавказские кадиристы, распевая главную формулу ислама: «Ла иллаха иллалах», хлопают в ладоши сидя, стоя или бегая по кругу. Но это всё внешние отличия. Разумеется, есть незначительные отличия и в содержании учений. Но сути самого учения эти внешние различия в формах мистерий и некоторые нюансы содержания не искажают¹. Главным и неизменным для них остаются строгая дисциплина, порядок и вера в Аллаха.

Вопрос о правомочности местных практик достаточно дискуссионный, т. к. есть и сторонники, и противники подобных практик. Некоторые считают очень важными существующие базовые различия между некоторыми суфийскими и исламскими понятиями. Так, и тарика и шарифа по-арабски означают «путь», который помогает мусульманину прийти к Богу. Однако в отличие от широкой «дороги» шариата, общей и обязательной для всех мусульман, «путь» суфия понимается как нечто индивидуальное и факультативное. Как общая «дорога» тарика, так и все ответвляющиеся от неё «пути» и «тропинки» вирдов означают направления для познания божественной Истины. По общепринятой суфийской традиции на этом пути ученик (*араб.* — мюрид) следует за учителем (*араб.* — муршид, устаз, шайх). Последний обычно следует той или иной традиции передачи исламского знания в тарикате. В запасе у него целый ряд действенных суфийских техник, помогающих суфию, не сбиваясь с пути, продолжать восхождение к Богу. Наиболее известной техникой был и остается зикр, богопомятие, в основе которого лежит различное число повторений определённого набора сакральных формул, необходимых для достижения состояния ощущения близости цели познания². Этого уровня суфии достигают, входя в состояние измененного сознания при помощи повторения вирдовых формул, общих для обоих тарикатов — Накшбандийя и Кадирийя. Различия касаются процесса подготовки к вхождению в зикр, обучения овладению технологиями вхождения в это состояние и удержания способности погружаться в него при любой необходимости. Этот уровень каждый мюрид проходит индивидуально, и только после этого он начинает практиковать коллективный мужской зикр с его сложными техниками передвижения и дыхания.

Многие ритуальные практики ингушей носят чисто механический характер, т. к. исламские традиции в ингушском обществе окончательно закрепились только во второй половине XIX в. Здесь же надо отметить, что в отношении духовных лидеров народа власть применяла

¹ Муртазалиев А., Султанов-Барсов А. Умар-хаджи Андийский. Историко-философский очерк. Махачкала: ИД «Народы Дагестана», 2013. С. 66.

² Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе как сеть религиозных практик // Суфизм как социальная система в российской умме. Доступ: <http://www.idmedina.ru/books/school-book> (проверено 23.02.2015).

репрессивные меры; все шейхи кадирийского тариката были в 1911 г. отправлены в ссылку. Гражданская война и революция также не способствовали упрочению позиций ислама, хотя и провозглашали свободу вероисповедания. С упрочением позиций советской власти борьба с религией и религиозными деятелями приняла очень жёсткие формы. Мечети закрывались, а в их помещениях организовывались светские школы. Видные богословы были подвергнуты репрессиям. Великая Отечественная война и депортация ингушей в 1944 г. не позволили ингушам закрепить духовные основы религии. После восстановления Чечено-Ингушской республики в 1957 г. партийные и советские органы развернули масштабную антирелигиозную кампанию. Запрещалось исполнение любых мусульманских обрядов. Деятельность суфийских братств приобрела нелегальный характер, муллы обучали детей и подростков в собственных домах, и по возможности тайно. Представители советской власти провоцировали конфликты между различными течениями суфийского ислама. До 1980-х гг. на территории Ингушетии не было ни одной действующей мечети.

В результате вышеуказанных причин многие видные знатоки ислама, знавшие духовные основы местных форм традиционного ислама, ушли из жизни, не оставив подробных письменных описаний ритуальных практик суфийских братств. Ввиду этих и других объективных причин многие современные мюриды выполняют зикр лишь просто как ритуал, не вдаваясь в основы тех или иных элементов существующих религиозных практик.

Тем не менее коллективные практики исполнения зикров, назмов и мавлидов живут и способствуют сохранению местной мусульманской традиции и передаче её от поколения к поколению. В указанных ритуальных действиях отчётливо прослеживается её социальная составляющая, служащая стержнем, скрепляющим местный социум.

Литература

Абдуллаева Ф.И. Персидская кораническая экзегетика. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 192 с.

Авксентьев А. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1984. 287 с.

Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный: НИИ гуманитарных наук ЧР, 1994.

Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.

Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Грозный, 2011. 208 с.

Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообще-

ство — социальные роли, общественное мнение, властные отношения: сборник статей / под ред. С. А. Штыркова. СПб.: Наука, 2007. С. 75–128.

Албогачиева М. С.-Г. Адепты Кунта-хаджи Кишиева: Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чиммирза Таумерзаев, Вис-хаджи Загиев, Мани-шейх Назиров // Ислам в России и за её пределами: история и культура общества. Сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. СПб.; Магас, 2011.

Албогачиева М. С.-Г. Ислам // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А. М. Мартазанов, А. Т. Соловьева. М.: Наука, 2013.

Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII века) / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2003.

Ахмадов Я. Кунта-хъажи вирд // Шейх, устаз, овлия Кунта-хаджи Кишиев / сост. Р.-Х. Ш. Албогачиев. Нальчик: Тетраграф, 2013.

Вачагаев М. Вирдовая структура Чечни и Ингушетии // Прометей. 2009. № 2. Доступ: <http://chechen.org/archives/category/prometheuse> (проверено 29.08.2014).

Вертепов Г. А. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 2.

Долгиева М. Б. Современное расселение ингушей // Вопросы истории. Магас, 2013. Вып. 10.

Ипполитов А. П. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. 1869. Вып. 2.

Ковалевский П. И. Народы Кавказа. В 2 т. СПб.: Тип. М. И. Акинфиева, 1914. Т. 1.

Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе: философия протеста // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5.

Ляушева С., Яхиев С.-У. Шейх Кунта-Хаджи и его школа // НГ-Религии. 29.05. 97.

Мальсагов М. С., Пошев А.-Х. Древо жизни. Нальчик: ИЦ «Эльфа», 1999.

Муртазалиев А., Султанов-Барсов А. Умар-хаджи Андийский. Историко-философский очерк. — Махачкала: ИД «Народы Дагестана», 2013. 208 с.

Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975.

Павлова О. С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: Издательская группа «Сам Полиграфист», 2013. 558 с.

Саламов Х. Ровзат. Нальчик, 2004.

Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. М.: Русская жизнь, 1997. 368 с.

Тагиров Р. Г. Суфизм в Поволжье: особенности функционирования. Доступ: http://www.e-riu.ru/knldg/prepod_publ (проверено 02.02.2015).

Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе как сеть религиозных практик // Суфизм как социальная система в россий-

ской умме. Доступ: <http://www.idmedina.ru/books/school-book> (проверено 23.02.2015).

Шихалиев Ш. Ш. Краткий обзор арабографических сочинений Кунта-хаджи Кишиева // Ислам в России и за её пределами: история и культура общества. Сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. СПб.; Магас, 2011.

Practical activities in Islam's religious tradition: doctrinal, legal and moral grounds

MAIN VIRD COMMUNITIES OF THE INGUSHES

Makka S.-G. ALBOGACHIEVA

Cand. Sci. (Hist.), acting head of the department of ethnography of the people of the Caucasus, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (3, Universitetskaya Naberejnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation).
E-mail: albmac@mail.ru

Abstract. The article describes tariqahs and virds practiced by modern Ingushes. It presents general characteristics of all the religious communities ('fraternities') of Ingushetia, and the specifics of the religious practices of the Kadiri and Naqsjbandi Tariqahs. The article also accentuates the peculiarities of Zikr performance in both tariqahs and describes the area where the Tariqahs of kadiri and Kaqsjbandi are spread in Inigushetia and in other regions of the Russian Federation, where the adherents of the mentioned Tariqahs reside, as well as outside the country. The article also touches upon the specifics of Sufi practices in the North Caucasus region and in the world.

Keywords: religion, Islam, Sunna, Ziyarat, Abdul-Kadir al-Jilani, Bahauddin Mohammad Naqshbandi, Kunta-Haji, Deni Arslanov.

